

Аше Гарридо

Гадкий индюшонок

Аше Гарридо
Гадкий индюшонок.
Или необыкновенные
приключения Носатика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107748

ISBN 9785448571183

Аннотация

Для удобства читателей и ради собственного удовольствия автор решил выпустить некоторые истории погулять не только в большой компании под обложкой «Всех историй», но и самостоятельно. Они вполне готовы ко всем превратностям настоящего путешествия, ко всем трудностям и приключениям, так же, как этот безобразный птенец, гадкий индюшонок... Но нет, погодите, это же не... Так кто же он?!

Гадкий индюшонок Или необыкновенные приключения Носатика

Аше Гарридо

© Аше Гарридо, 2017

ISBN 978-5-4485-7118-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Дорогому другу Додо с почтением, любовью
и бесконечной благодарностью.*

«Наконец яичные скорлупки затрещали».

Ганс Христиан Андерсен

Хорошо было за городом, в старой усадьбе сумасшедшего ученого сэра Мармадюка М.

Золотилась рожь, зеленел овес, покачивались на теплом ветерке гигантские листья лопухов, поля и пруды простирались в окружении поросших лесом холмов, а в самом теплом и темном углу индюшатника молодая наседка готовилась принять в материнские объятия свой первый выводок.

По всем подсчетам, это должно было произойти сегодня.

Первый крак-крак не заставил себя долго ждать. Желтый, в розовых проплешинах, большеногий индюшонок выбрался из обломков скорлупы под торжествующее гульканье наседки. За ним последовали его братья и сестры, такие же голенастые и плешивенькие, как положено приличным новорожденным. Они шурились, вглядываясь в сумрак индюшатника.

– Как велик мир! – пугались они. Еще бы, ведь здесь было намного просторнее, чем внутри скорлупы, и к тому же светлее.

– Неужели вы думаете, что это и есть весь мир? Там, за стенами, его еще много! Вы все увидите сами, когда подрастете. Ну что, вы все здесь? – мама-индюшка приподнялась и заглянула в гнездо. – Ах, нет! Еще один.

Самое большое яйцо оставалось тихо и недвижно.

– Что у тебя? – спросила подошедшая старая индюшка.

– Осталось одно яйцо, и такое громадное... Ума не приложу, как я умудрилась снести такое.

– Наверняка старый профессор подложил его в кладку, когда ты отошла на минутку. За ним такое водится – кого мы только здесь не видели! В прошлом году Мими из гусятника вывела лебедя...

– Ах, я слышала эту историю! – в ужасе перебила ее молодая мать. – Только это была Кре-Кре из утятника!

– Да нет, Кре-Кре вывела обыкновенного лебедя, и это бы-

ло, когда тебя еще не было на свете, три года назад. К тому же он сбежал и его, несомненно, съели лисы. А Мими вывела черного лебедя! Все были шокированы. Бедняжка не знала, куда деваться от стыда, к счастью, выродка потом забрали... а то бы приличные птицы заклевали его!

Она помолчала, будто наслаждаясь смятением молодой мамы.

– Уж и не знаю, что старик придумал на этот раз.

– Какой ужас, – пролепетала индюшка-мама, заранее представляя себе, каким скандалом на птичьем дворе обернется ее появление с экзотическим потомством. – Что же мне делать? Ведь это мой первый выводок, моя репутация будет испорчена непоправимо...

– Смирись, – наставляла ее старшая подруга. – Такова твоя доля, все в руках сэра Мармадюка.

– Вот еще! – воскликнула проходившая мимо тощая и решительная индейка новейшей американской породы. – Пора брать свою судьбу в собственные... Ладно, я считаю, что в данной ситуации будет целесообразно отдать свои силы и заботу полноценному потомству, а этому уродцу, возможно, не стоит и появляться на свет.

– КРАКК!!! – решительно возразило яйцо.

Мама-индюшка распахнула над ним куцые крылья.

– Каков бы он ни был, я честно сидела на нем все четыре недели, а теперь уж поздно. Это мое дитя, я сумею постоять за него.

Скорлупа злосчастливого яйца была на редкость твердой, поэтому рождение затянулось. К тому времени, когда малыш выбрался наружу, вокруг гнездового лотка собрался уже весь индюшатник. Перспектива оказаться объектом общественного внимания не самого приятного сорта вызвала в молодой матери волну упрямой гордости. Терять ей было нечего, оставалось только быть выше всего этого.

Малыш оправдал ожидания: он был гораздо более плешив и голенаст, чем положено новорожденному. И голова его была необычайно круглой и большой. Но главное его уродство заключалось в огромном носе. Такого носа прежде не видывал свет. Пожалуй, именно по этой причине яйцо и было огромным: этот нос еще надо было разместить внутри скорлупы! Все же о новорожденном можно было сказать и что-то определенно хорошее: он был чрезвычайно крепкого сложения. Тем не менее, его появление произвело настоящий фурор. Индюшатник ахнул, но тут появилась птичница, и все побежали к кормушке.

Птичница, однако, пришла за другим делом. Она аккуратно собрала новорожденных индюшат в корзинку, чтобы унести в ясельки до завтра, потому что индюшата рождаются слабенькими, им нужен покой в первый день их жизни. Уродливого индюшонка птичница окинула придирчивым взглядом, брезгливо сплюнула и уложила на мягкую подстилку вместе с остальными. Когда она ушла, молодая мать оказалась в одиночестве, а ее товарки наперегонки по-

спешили наружу, чтобы потрясти птичий двор новостью: наша Клокло переплюнула не только Кре-Кре, но даже и Ми-ми!

Дни шли своим чередом, лето в самом зените сияло и согревало всех обитателей птичьего двора, потомство мамы Клокло подрастало под ее неусыпным присмотром: все знают, как сильны в индюшках материнские инстинкты. Она окружила своих сорванцов и непосед самой трогательной заботой, и ежечасно наставляла их не приближаться даже к границам птичьего двора, потому что лисы в тот год были особенно дерзки. Сэр Мармадюк М. в прошлый сезон так и не добрался до родных берегов, и в его отсутствие никто не устраивал охоты, так что рыжие бандиты беспрепятственно плодились и покушались на покой и жизнь пернатого населения усадьбы.

Преданно любя всех своих малышей, мама Клокло испытывала особенное чувство к несуразному носачу, так отличавшемуся от ее родных детей и видом, и голосом, и статью. Как ни старался он усвоить приличные манеры, все выходило наособицу. Осанка его была удивительна, пушистый наряд странен, хвост состоял всего из трех кудрявых перышек, а крошечные крылышки как будто нисколько не выросли с той минуты, как он вылупился из яйца. Особенно

удивлял густой капюшон, покрывавший голову за исключением смысленной физиономии с большими круглыми глазами и огромным носом. Физиономия с возрастом принимала синеватый оттенок, что несколько пугало маму Клокло, но, похоже, совершенно не мешало ни малышу, ни его братишкам и сестренкам.

И он постоянно норовил подобраться поближе к ограде и выглянуть наружу, так что маме Клокло приходилось то и дело нестись через весь двор, растопырив перья и громко причитая, чтобы отогнать его оттуда. С виноватым видом, по-гусиному крякая, он следовал за ней до кормушки, но стоило упустить его из виду – снова оказывался в запретном углу, где ограда несколько расшаталась.

Другие обитатели двора высказывали маме Клокло сочувствие, но она не слишком верила в его искренность. Не раз и не два, стоило ей отвернуться, несуразного малыша пытались зашипать и заклевать, постоянно дразнили и потешались над ним. Правда, окруженный любящими братьями и сестрами (насчет этого мама Клокло была строга), он не расстраивался из-за неприятия и отвечал насмешникам с веселой дерзостью. Мать порой бранила его за это, но никогда не наказывала. Так мило звучал его голос, из которого невозможно было вывести экзотический акцент.

– Пора бы ему произносить все звуки правильно, – притворно сетовала она товаркам. – Не могу понять, в чем помеха. То ли его аристократический нос, то ли иностранное

происхождение...

Мама звала его просто: Носатик.

Кумушки давно перестали поддевать маму Клокло, убедившись, что она неуязвима для их злословия. Братья всегда были рядом, готовые ввязаться в драку с обидчиком, покусившимся на их приемного родственника, сёстры охотно поддерживали их колкостями, а крепкий клюв Носатика был на самом деле огромен, так что со временем стал внушать непритворное уважение. Мама Клокло была уверена, что взяла верх над злосчастной судьбой, и только ждала, когда же ее малыш получит почетное приглашение переселиться в большой хозяйский сад, где на пруду уже жили белый лебедь, сын Кре-Кре, и черный лебедь, сын Мими.

Ни за что не могла она предположить, что с этой-то стороны и придет беда.

Когда мама Клокло впервые вывела своих малышей на прогулку во двор, стараясь при этом высоко держать голову и ступать неторопливо и уверенно, к ней немедленно подошла гусыня Мими в сопровождении выводка большеногих гусят, и с поклоном представилась. По ее манерам было видно, что она прекрасно разглядела необычного птенца и вовсе не намерена третировать его родительницу. Напротив, всем своим видом она выражала расположение и поддержку сестре по несчастью. Вежливо осведомившись о здоровье выводка, мама Клокло обеспечила продолжение знакомства, и некоторое время две ватаги гуляли ря-

дышком, пока Мими не увела своих к пруду. Но с тех пор они встречались и обменивались незначительными, но приятными фразами ежедневно и постепенно по-настоящему сдружились. Утка Кре-Кре демонстрировала совершенную противоположность! Она смотрела на обеих подруг так, словно они были презренными неудачницами самого низкого сорта, рядом с которыми приличной птице и находиться неуместно, и всегда рада была присоединиться к хору голосов, хавших их и их потомство. Клокло и Мими это еще больше сплотило. Они ходили важные и гордые, отвечая хулителям, что их дети не созданы для птичьего двора, их место если не в самом хозяйском доме, то в саду этого дома, где растут редкие деревья, цветут диковинные цветы и где специально приставленные лакеи, а уж никак не простые птичницы, кормят их особенной пищей, какой здесь и не пробовали. Мама Клокло терпеливо ждала, когда и ее сынок переселится туда и составит компанию чернопёрому и красноклювому воспитаннику Мими.

Однако в тот год сэр Мармадюк М. снова задержался в дальних краях и не появился в усадьбе. Без него решить вопрос о переселении выдающегося молодого индюка было некому. Выросшие индюшата разбрелись по индюшатнику, один Носатик оставался рядом с мамой Клокло. Как пример-

ную наседку ее оставили на племя, и она могла не опасаться несчастливых перемен в своей судьбе. Из курятника лисы похитили нескольких кур, пострадали и утки. В целом же зима прошла скучно.

И вот в один из дней поздней весны в усадьбе поднялся переполох. До птичьего двора донесся слух, что хозяина ждут со дня на день, и с гостями. Пух закружился смерчем... Но вскоре был сметен бесследно ветерком и метлой. После этого на двор пожаловал сам сэр Мармадюк. Носатик смотрел на него с горячим интересом и восхищением: этот человек побывал далеко за пределами известных ему земель, там, куда не достает взор сквозь щели между досками ограды. Носатик не замечал, что клюв его приоткрывается сильнее и сильнее, и сам он, преисполненный доверчивого и пылкого внимания, приобретает несколько глуповатый вид. Ловкий птичник тем временем подкрался сзади и, ухватив за ногу, поднял его над землей. Перевернувшись и повиснув вниз головой, Носатик выглядел еще комичнее, и двор покатился со смеху. Даже спутник сэра Мармадюка не преминул высказаться по этому поводу:

– Я читал, что додо были необыкновенно глупы, теперь вынужден поверить в это.

Сэр Мармадюк М., напротив, встревожился.

– Возьми его аккуратней! – одернул он птичника. – Редчайший экземпляр! Последний живой додо на свете!

Так в один миг Носатик узнал два обескураживающих факта: что он принадлежит к выдающемуся (раз о нем говорят), но несправедливо ославленному роду, и что ему никогда не встретить себе подобных. Попрощаться с приемной матерью ему не дали. Птичник ловко перевернул его, обхватил поперек туловища и понес следом за хозяином, который покинул птичий двор вместе со своим гостем.

– Так вы говорите, что нашли единственное уцелевшее яйцо?

– Да! По моей просьбе капитан отрядил матросов, и они обшарили остров до последней травинки. И это единственное яйцо, которое удалось обнаружить в целом виде.

– Но наверняка оно было несвежим. На что вы надеялись?

– На чудо, друг мой, исключительно на чудо. И вознагражден!

Носатик, и так боготворивший маму Клокло, проникся к ней еще большей любовью: ее животворящему теплу оказалось под силу невозможное! Только благодаря ей он жил, дышал, созерцал окружающий мир во всем его разнообразии и мог чувствовать и осознавать себя как живое разумное существо.

– И что вы намерены делать теперь? – продолжал расспрашивать гость сэра Мармадюка.

– Я буду наблюдать его день за днем, пока буду здесь, изу-

чу его повадки. Я приглашу художников, чтобы они сделали подробнейшие зарисовки. Я обогащу британскую науку. Затем я сделаю из него чучело и украсу библиотеку.

«Что такое чучело? – задумался Носатик. – Как именно ему предстоит украшать библиотеку, и что она такое? Я был уверен, что меня поселят возле пруда, по соседству с сыном тетюшки Мими. Надо будет непременно разведать все заранее. Как много нового я смогу узнать за пределами птичьего двора! Как интересна жизнь!»

Читать Носатик научился сразу на двух языках. В прекрасном саду сэра Мармадюка были собраны диковинки со всего света, и каждое дерево, каждый куст, каждая былинка имела собственную табличку с надписью на человеческом языке и на латыни. Посетители, специально прибывавшие из Лондона, чтобы осмотреть сад, имели обыкновение зачитывать вслух не только названия растений, но и описание, родственные связи, описание страны происхождения и историю того, как это растение попало в сад сэра Мармадюка. Богатый материал для пытливого ума! С каждым разом юный Додо запоминал все больше букв, а также сопоставлял значения слов в обоих языках, и таким образом стал одной из просвещеннейших птиц своего времени. Несколько крупных попугаев, живших в просторном вольере, бес-

спорно, умели говорить на человеческом языке, но не читать. К тому же, у Носатика создалось впечатление, что они не всегда понимают смысл произносимых слов. Иначе они тщательнее выбирали бы темы разговоров при дамах.

Дни был заполнены до предела. С утра Носатик дегустировал различные виды пищи, а сэр Мармадюк не спускал с него глаз и диктовал секретарю свои наблюдения. Также важной обязанностью было позирование. Целый отряд художников писал его маслом, акварелью, углем и сангиной во всевозможных ракурсах, в движении и статике. Понимая всю лежащую на нем ответственность, Носатик принимал самые изысканные позы, поднимал и вытягивал крылья, шаркал ногами, гнул шею, наклонял голову в разные стороны и сверкал на зрителей своими прекрасными очам. Эти тренировкигодились ему и в саду, куда он выходил навстречу посетителям и очаровывал их с первого взгляда. Сэр Мармадюк выписал и журналистов из самых известных газет, чтобы они освещали ход эксперимента по изучению последнего представителя вымершего вида, так что они подыскивали самые точные слова для описания живого экспоната.

Носатик купался в лучах славы и внимания, но все же холод одиночества день за днем проникал в его душу. Он так привык к компании братьев и сестер, и даже когда они покинули их с мамой Клокло – все же он находился всегда рядом с ней, окруженный сутолокой птичьего двора. Обитатели сада сильно отличались от общества, к которому привык Носа-

тик. Павлины были слишком надменны и оттого не склонны к живым беседам, попугаи – слишком вульгарны, да и отгорожены от всего мира решеткой. Сколько ни бродил Носатик вокруг пруда, ему так и не довелось встретить там сына тетушки Мими, а на вопросы о его местонахождении отвечали молчанием не только павлины, но даже и попугаи. Юный Додо подумывал уже о том, чтобы пробраться тайком на птичий двор и, если повезет, остаться там негласно. Его оставляло только чувство морального долга перед тетушкой Мими. Не раз, когда втроем с ней и мамой Клокло они обсуждали перспективы его будущей жизни, тетушка наказывала непременно передать сыну при встрече ее материнское благословение и привет.

Неизвестно, на что оказался бы способен скучающий юноша, если бы не библиотека. Это был целый мир, который юный Додо открыл для себя по чистой случайности. Как-то раз, прогуливаясь вместе с сэром Мармадюком после завтрака по саду, он увлекся и не отстал от ученого даже когда тот поднялся по ступенькам в дом. Тот же, в свою очередь, был полностью погружен в обдумывание новой статьи, посвященной пищеварению додо. Для написания этого труда необходимо было вскрытие, и сэр Мармадюк пока только обдумывал статью, откладывая решительные дей-

ствия на потом, ближе к зиме, когда поток посетителей схлынет, уникальный экспонат будет запечатлен уже во всех курсах и опубликован во всех газетах, и в живом состоянии будет исчерпан как тема для светских разговоров и научных статей.

Встретившемуся по дороге лакею сэр Мармадюк отдал неразборчиво какие-то распоряжения, но последние слова он произнес уже удаляясь и оттого – громче.

– Подайте в библиотеку!

Тут уж Носатик вспомнил, что ему предстоит стать украшением этого загадочного места, и постарался сделаться совсем невидимым. Это было нетрудно: слуги, попадавшие им на пути, полагали, что хозяин знает о своем пернатом спутнике, а сэр Мармадюк был слишком погружен в воображаемый процесс вскрытия. Додо же был одержим страстью к знаниям и настроен решительно. Что такое быть украшением, он уже знал: его неоднократно называли украшением коллекции и украшением сада. Но что такое библиотека? И когда же, наконец, он приступит к выполнению своей миссии там?

Так юный Додо воспламенился духом и пробрался, следуя за ученым, до самой библиотеки. Оставаясь незамеченным, он осторожно осматривался в огромном помещении, разглядывал уставленные непонятными штуками насесты и дивился устройству человеческого дома изнутри. Сэр Мармадюк удобно сидел в кресле с рюмкой шерри и книгой, в библио-

теке стояла тишина, нарушаемая только шелестом страниц. Носатик ступал неслышно, изо всех сил сдерживая желание восклицать. Он разглядел знакомые очертания букв на корешках книг и, сопоставив этот факт с тем, что сэр Мармадюк внимательно вглядывается во внутренности одной из них, догадался, что в них содержатся знания. Сильнейшее возбуждение охватило его. За недели, проведенные в саду среди пояснительных табличек, он пристрастился к чтению и перечитал их все уже давно, а самые интересные – и не по одному разу. Здесь же... Он предчувствовал: здесь целый мир хранится в тесных тайниках из сафьяна и коленкора. От восторга у Носатика закружилась голова.

Немного переведя дух, он стал обдумывать, как же ему, с его телом, не оснащенным столь же гибкими и ловкими верхними конечностями, как у сэра Мармадюка, добраться до содержимого книг. Прежде всего – как снимать их с настесов. Тут он вспомнил, что, когда он вошел в библиотеку, книга уже лежала развернутой на подставке рядом с креслом. Что ж, ему остается только найти путь в библиотеку самостоятельно, когда она будет пуста, и читать то, что читает сэр Мармадюк. Делать собственный выбор ему, может быть, и не дано, но что годится для ученого, то сгодится и для додо! И, ободренный этой мыслью, Носатик решил продолжить осмотр библиотеки, раз уж почитать ему удастся только тогда, когда сэр Мармадюк покинет ее. Продолжая соблюдать все меры предосторожности, чтобы не быть замеченным, он

прошел вдоль насестов до ниши в стене.

Вдруг навстречу ему из ниши прыгнул ярко-красный клюв на гибкой длинной шее угольно-черного цвета. Черный призрак библиотеки! — мелькнула паническая мысль. И Носатик, отпрыгнув, с размаху сел пушистым задом на пол. Только мягкий ковер спас его от разоблачения в эту минуту. Красный клюв замер и не шевелился. Носатик собрался с духом и смог разглядеть яснее преставшую его взору картину. На низкой тумбе в нише перед ним стояла мертвая птица, черная и неподвижная, с тусклыми безжизненными перьями и бессмысленно блестящими пустыми глазами.

Все еще еле дыша, юный Додо подобрался поближе и смог прочитать на табличке, прикрепленной к тумбе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.